

БАБКА ЧЕРЕВАТОВА

Я вот тут намедни стою на остановке троллейбуса. Жду «рогатого», а его нет и нет. Жарко у нас в Краснодаре. Лето. Присел в тенечке, да и предался воспоминаниям.

* * *

Сын бабки Череватовой работал водителем троллейбуса. Сейчас, поди, уже на пенсии. А бабка жива? Если да, то здравия ей и долгих лет жизни. А ежели померла, то царство небесное. Простой советской труженице, не щадя живота своего, восстанавливающей нашу страну после той страшной войны.

* * *

Лет сорок назад нас, без пяти минут выпускников местного политеха, отправили на преддипломную практику в соседний Ставропольский край. Студентов, как правило, селили в общежитии комбината хлебопродуктов, по принципу сколько в одну комнату влезет. Чай, не баре, пущай вообще рады будут, что крышу над головой предоставили. Но была особая каста студентов, так сказать, брахманы — по-нашему привилегированные. То есть женатики. Молодую советскую семью разлучать никак нельзя. А свободных комнат в общаге отродясь не водилось. Вот и определили меня с моей половинкой и моего дружбана Даньку с его кареглазой Алькой на постой к бабке Череватовихе. У нее после смерти мужа, почитай, аж две комнаты пустые имелись.

После гражданской войны сопливую девчонку Галочку родители привели к воротам бывшей купеческой мельницы, да там и оставили. Ибо сами уже прокормить не могли. А замуж — годками еще не вышла. Вот так Галюся Череватова и стала «дочерью полка», то есть дочерью большой экспроприированной мельницы.

Записей в ее трудовой книжке две. (Лично видел). Принята на должность муко-сеи. Уволена в связи достижением пенсионного возраста и наличием нескольких профессиональных заболеваний.

* * *

Дом у бабки Череватовой был уникален. Сложен из тесанных бревен. «Что же тут удивительного? — скажет мой дотошный читатель.— У нас, почитай, пол-России такими домами утыкано».

Так то же в России, но не у нас, на юге. Лесов здесь раз, два и обчелся. Посему южные хаты строят из самана, глины вперемешку с навозом. Сам до сих пор в таком экологически чистом доме живу.

Как ей это чудо-дом достался, бабка нам не рассказывала, но каждой студенческой семье по светелке выделила. И напутствовала: «Грешите там в меру. Занятие это нужное. Нашему мукомольному делу новая кровь о как нужна. Только и о работе не забывайте. Чтобы, значит, к восьми ноль-ноль были мне как огурчики на своих рабочих местах».

Хозяйка наша за свою долгую жизнь никакой школы так и не окончила. Читать и писать не могла. Однако, издали завидев почтальона, побросав все дела, не разбирая дороги, бежала к нему навстречу. Выхватывала пачку писем, скоро перебирала их, и радостная возвращалась с заветным конвертиком домой.

— На, читай скорее, что мой сыночек матушке пишет. Да читай же, ирод студенческий, не томи.

Я прочел. Отдал бабке листок. Она, бережно погладив, положила его в старишнюю шкатулку.

— И чего ты на меня уставился? Мышка маленькая, серенькая, но и ей понятно, что ежели первая буква в письме на цифру четыре похожа, значит письмо то мне, бабке Череватовой! А этот лентяй почтальон плется как старая заводская кобыла. До моего двора, почитай, еще минут пять топать будет.

* * *

За наш постой предприятие платило хозяйке не деньгами, а комбикормом. 500 килограмм свиного или 100 для птиц, на выбор. Череватова держала у себя пару десятков несушек. А теперь догадайтесь, какой комбикорм она выписывала? Правиль-но, для свиней.

— Бабушка, ну так же нельзя. Ваши курочки болеть будут, а может даже и умрут совсем,— раскрыв от удивления и без того огромные глаза, верещала Алька.— Поймите же! На заводе составляют специальные рецепты для кормов. Для свинок свои, для курочек свои. Это сложный процесс, требующий тщательной проработки.

— Много ты понимаешь, деваха. Мужу своему будешь вечером в спаленке организовывать сложный процесс, требующий тщательной проработки,— съязвила бабка.— Нешто я не понимаю. Почитай, полвека этим треклятым комбикормом дышу. Три таблетки добавляешь на килограмм — и вся недолга.

— Бабушка, вы конечно меня извините,— вмешался в разговор самый интеллигентный из нас — Даниил.— Вы же, я прошу прощения, неграмотная. Как же латинские названия на упаковках с таблетками читаете? Там же все не по-русски написано.

— Вот малахольный. Привязался ко мне со своею Алькой. Да че там читать! Две желтенькие и одну синенькую растолок, да и в корыто бросил.

— Но ведь надо же знать их фармакологическое действие,— не унимался Даня.

— Чего надо знать? Говори громче. Знаш ведь, что глухая я, на оба уха, совсем. Шум там у нас на мельнице такой, что только матерные слова расслышать и можно. Более ничего. А таблетки от чего? Так от поносу же. Если людям годятся, так птичкам моим, лапочкам, тем более полезен.

— Надо же,— удивилась Алька.— У нас в стране огромный научно-исследовательский институт десятками лет бьется над созданием универсального комбикорма...

— А бабушка Череватова две желтенькие и одну синенькую на килограмм! — поддержал молодую жену супруг.

Но хозяйка ничего не ответила. Ибо ничего не услышала, по причине приобретенной профессиональной тугоухости.

* * *

Мой отец, инвалид войны, регулярно получал продуктовый набор повышенной калорийности. В него входили и невиданные в наших степных краях консервы, например, такие — «Кальмар дальневосточный в собственном соку». К чему это я? Да к тому, что матушка сунула мне пару таких банок в дорогу: «У нас эту гадость отродясь не ели. А вы там, на своей практике, с голодухи еще и не такое сплямкаете».

Голодухи у нас не наблюдалось. Картошки было вдоволь. Муки всех сортов, сами понимаете, тоже. Вот наши молодые женушки и осваивали на практике приготовление различных блюд из этих двух ингредиентов.

Кальмаровые консервы мы открыли, но есть не стали. По причине того, что никогда в жизни их не пробовали. Отдали хозяйской собаке. Своего «кабысдоха» она также кормила исключительно свиным комбикормом. А он в знак протеста из будки не вылезал. Нес службу, то есть тявкал, исключительно оттуда.

«Кальмар дальневосточный в собственном соку» пришелся бедному животному исключительно по вкусу. Ниух у собаки был отменный. Чуял он нас четверых за версту. После такого угощения мы естественно слали лучшими друзьями не только его, но заодно и всех собак улицы. Теперь, заприметив нашу четверку, они дружно приветствовали нас радостным лаем. В надежде на то, что и им перепадет заветная бачонка с кальмарами. А вы говорите, что в Советском Союзе дефицит был. Это сейчас никому и в голову не взбредет кормить своих Жучек и Бобиков «Кальмарами дальневосточными в собственном соку». А в то время — запросто!

* * *

Сидим на бабкиной кухне и в десять рук лепим вареники с картошкой. Вернее, не в пять пар, а в три. Ибо меня и Даньку от этого действия освободили, по причине полной профнепригодности.

— Вот же послал бог вам, девоньки, мужиков, что у одного, что у другого руки точно не с того места растут. А еще мукомолы будущие. Нормальных вареников налепить не могут, глянь каких быцюг лепить пытаются. Такой же и в рот не запихаешь,— беззлобно ворчит на нас бабка Череватова.— Про остальные мужские причиндалы ничего сказать не могу. Но по вашим довольным мордочкам догадываюсь, что у мужей новоиспеченных с этим делом все в порядке. У много-то, покойного, чего греха таить, нешибко выходило. Одного сыночка и смог мне сварганить. Хворый совсем с войны пришел. Уж лечила я его, лечила, да, по всему видать, окопы поганые всю силу мужеску себе забрали. О!! Стоп, ребята! Кончай тренъдеть! На мельнице авария! Бежать надо, мож какая помоч требуется!

— Бабушка, да вам-то откуда знать? Мелькомбинат в километре от вашего дома стоит! — удивленно спрашиваю я.

— Молчи, олух царя небесного! Дай послушать! Точно! Турбовоздуходувка замолкла. Все, детки мои. Побегла я. Вы тут сами без меня управляйтесь.— Бабушка, как же вы шум турбовоздуходувки можете за километр услышать, ведь вы же глухая? — сказала Алька. Прислушалась, но ничего не услыхала. А старуха Череватова ничего не ответила — она уже была в коридоре и обувала видавшие виды резиновые боты.

Вернулась через час.

— Электрик, понимаш, сопля зеленая. Такой вот выпускник желторотый, как и вы. Взял да фазы-то и перепутал. Вот турбовоздуходувка-то и захлебнулась. Если бы не мы, старики, так, почитай, весь город завтра бы на сухарях сидел. Свежего хлебушку испечь не с чего было бы.

* * *

В ту ночь я долго не мог заснуть. Лежал с закрытыми глазами и размышлял. Каким образом наша хозяйка, много лет назад почти полностью потерявшая слух, могла слышать работу турбовоздуходувной машины, расположенной в тысяче метров от ее дома?

Утром Алька дала мне простой и четкий ответ:

— Да сроднилась бабка Череватова с ним, с комбинатом. Они уж много лет живут как единое целое.

Вы скажете фантастика. А я скажу — реальность! Сейчас, наверное, такой феномен уже не наблюдается. Может быть. Нынче я и сам уже пенсионер. Но иногда по ночам, во сне, стою у вальцовых станков, перемалываю зерно и внимательно слежу за тем, чтобы турбовоздуходувка не остановилась!

МАЭСТРО

Светлой памяти Александра Тавадова.

Сорок пять лет назад август в моем родном Краснодаре был таким же жарким, как и нынешний. Пот с меня, абитуриента Политехнического института, катится градом. И не только потому, что в скверике, где я сижу, очень жарко. А еще и потому, что я сижу смиренно, жду своей участи.

Все! Вступительные экзамены позади. В листке, что лежит у меня на коленях, красуются три пятерки по устным экзаменам, и одна пустая строчка. В графе № 4 — литература (сочинение, письменно), пока что прочерк.

Еще утром секретарь приемной комиссии безучастным, металлическим голосом объявила: «Результаты сочинений и список поступивших будут в одном приказе. У нас страна хоть и богата лесами, но нечая на вас, олухов царя небесного, казенную бумагу изводить. Чай не баре, разом все и узнаете. Кому, значит, в нашу доблестную армию, а кто на ликвидацию кустов амброзии и прочие сельхозработы. И еще не известно, что лучше!»

Стрелки часов «Победа», подаренных мне отцом, вообще перестали двигаться. Пытаюсь читать захватывающую «Эру милосердия». Бесполезно. Жиглов и Шарапов не в состоянии мне помочь.

Кто-то пустил слух, что в этом году проходной бал 18. Выходит, если не двойка по литературе, то я, стало быть, студент. А ежели пара? Тогда года через два, а скорее всего спустя три (Морфлот СССР, будет чрезвычайно рад заполучить в свои ряды такого верзилу как я!).

* * *

Кто-то бесцеремонно и больно шваркает меня по плечу.

— Сидиши, потеешь! Пошли пивка тяпнем, я угощаю! — Рядом стоит коренастый парень с ярко выраженным кавказским чертами лица.

— С какой это радости? С минуту на минуту списки вывесят! — Я скидываю его руку со своего плеча и раздумываю, провести ли в ответку силовой прием с её захватом или нет?

Но парень улыбается так искренне, что я, отложив книгу, спрашиваю: — Тебе что, не интересны результаты письменного по литературе?

— Не-а! Не интересны! Меня Александром зовут, как и тебя. Тезки мы, понимаешь. Но ты называй меня просто, Маэстро. С самого детства все так кличут. Привык уже. Короче, пошли пиво пить. Жарко же ведь! — Выстреливает он как из пулемета, не давая мне возможности вставить хотя бы слово. — Да пошли же. Сейчас к ларьку знаешь какая толпа набежит! Поступление обмывать. Не протолкнешься!

— Не понял. Объясни все толком. С какой такой радости ты меня пивом угощать собираешься. И вообще, сказал же тебе, никуда не пойду, вот-вот приказ вывесят.

— Саня, я из Баку, но тебе не на армянском и не азербайджанском, на твоем родном, русским языком объясняю. Меня Маэстро зовут. Ма-э-стро.

— И что из этого?

— А то, что я битый час крутился возле деканата, зайду, то одно спрошу, то другое. С меня, кавказца, какой спрос? Человек с гор спустился. Вот и терпели, взшей не гнали. Короче, студенты мы с тобой! Сечешь! Сту-ден-ты! Да как за это пивка не дерябнуть! — И он чуть ли не силой потащил меня на соседнюю улицу, к заветному ларьку «Пиво-воды».

Я упирался, но не сильно. Какая по сути разница. С чего пить, с радости или с горя. Горло ведь уже давно пересохло.

— Давай, излагай во всех подробностях, Ма-эст-ро.

— Какие тебе еще подробности нужны? Приказ напечатали. Сейчас к ректору на подпись понесли. У тебя девятнадцать баллов, у меня шестнадцать, но я по спецнабору, вне конкурса. Мне лишь бы двойку не хлопотать.

* * *

Быстро пролетел первый семестр. Не сказать, что мы с Маэстро стали закадычными друзьями. На курсе образовалась своеобразная кавказская диаспора. У нас, местных, краснодарских, своя ватага. Но зимняя сессия вновь сблизила нас. Возобновили дружбу, на этот раз по несчастью. Оба не сдали экзамен по высшей математике. Не знаю, как там в Баку, но у нас в школе ее преподавали из рук вон плохо. Да и не давалась она мне, в отличие от химии и гуманитарных наук. Решили нанять репетитора. Одного на двоих, чтобы подешевле вышло.

С большим трудом выпросил у родителей небольшую сумму. А у Маэстро кое-какие денежки водились всегда. Это сейчас объявления о платных услугах в любой газете отыскать можно, я уже не говорю о всемогущем интернете. А во времена развитого социализма подобная информация передавалась из уст в уста. То есть строго конфиденциально. Потому как нетрудовые доходы, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Прибыли мы по адресу, указанному в замусоленной бумажке. Дружок раздобыл, неведомо где. Позвонили, никто не выходит. Час прождали. Затем второй. Холодно. Январь в Краснодаре разительно отличается от августа, причем в худшую сторону. Ветер с моря, хоть и ослабевший, но пронизывает основательно. Стали искать, где бы согреться. Столовую не нашли, зато поблизости отыскали ресторан. Да и оставили

там все денежки предназначенные для неведомого репетитора. Придя домой в совсем не легком подпитии, я выслушал длинную родительскую лекцию. На тему как, хорошо отслужив положенное армии, доблестно трудиться разнорабочим или дворником, самоотверженно строя при этом долгожданный коммунизм и светлое будущее всего прогрессивного человечества.

В итоге я хвост по математике таки, без всякого репетитора, обрубил. Даже стипуху заработал. Маэстро — нет. Смог перевестись на заочный, с потерей курса. Виделись мы с ним редко, да и интересы у нас были различные. Он весьма обеспеченный бакинский служащий. Я студент, правда, с незначительно повышенной стипендией.

* * *

Прошло тридцать пять лет. Маэстро разыскал меня на Одноклассниках. Пригласил к себе в Москву. Жил у черта на куличках, в Бутово. Много лет назад попал в чудовищную аварию, на всю жизнь остался инвалидом. С большим трудом передвигался на костылях. Жена оставила семью. Александр, как мог, растил двух славных пацанов.

* * *

По роду своей деятельности я частенько летал в белокаменную и далее, за границу. В любое время суток, в любом столичном аэропорту, в любую погоду меня встречал Маэстро. Из машины не выходил. Сидел и ждал, пока я уложу свой не хитрый багаж. Зато в вождении автомобиля ему не было равных. Зачастую мне казалось, что мой друг и транспортное средство — единое целое. Огромный город знал как свои пять пальцев. Не было такого закоулка и тупика, куда бы Маэстро не смог подъехать.

* * *

Несколько номеров в отеле, где я останавливался, арендовало консульство одной из западных стран. Понятное дело, что протолкнуться к заветным дверям было практически невозможно. Жаждущие увидеть красоты этого государства ночевали прямо на полу, и все, как один, вскакивали при слове «Перекличка». А мне срочно нужна была виза. Времени в обрез. Там, за кордоном, я, кровь из носу, должен был принять участие в очень важных переговорах.

— Ты чего такой грустный, или просто голодный? Тогда поедем к моим друзьям, бакинцам. У них свой ресторанчик, на кольцевой. Хочешь шашлык из седла барашка? — Маэстро пытался поднять мое настроение.— Нет, ты мне скажи, кто из нас двоих инвалид? Ты можешь взбежать по лестнице, я уже нет. В конце-концов можешь дать хорошего пинка, кому захочешь, я нет! Так, кто здесь должен нос опускать? Отвечай сейчас же? Давай быстренько излагай свои проблемы. Чего у тебя там не получается? Ты, наверное, забыл как твоего друга зовут? Так я напомню — Ма-э-стро!

* * *

Прошло полчаса.

* * *

— Граждане пропустите инвалида и его сопровождающего!

Из одной двери, как ошпаренный, выскочил служащий консульства и помог мне провести Маэстро в заветное помещение.

— Ой, вы знаете. Я вот прямо сейчас передумал. В вашу страну в этом году не поеду. С климатом, говорят, у вас там не все в порядке. Опять же отношение к нам,

россиянам, не ахти какое. Санкции против нас поддерживаете. Нехорошо. А нужные лекарства мне вот этот господин быстренько доставит. Я ему полностью доверяю остаток своего здоровья. Не считите за труд, выдайте господину Александру годовую визу, чтобы мы вас лишний раз своим присутствием не беспокоили.

* * *

Помахивая визой, покупаю билет на ближайший рейс. Вылет завтра в пять утра. Прощаюсь с Маэстро.

— Саша, спасибо тебе огромное. Буду лететь назад, привезу, что закажешь.

— Юность нашу привези. Скверик перед Политехом помнишь? А вкус того разливного и разбавленного пива помнишь?

— Скверик помню, пиво нет,— честно признаюсь я.

— Плохо. Стареешь брат. Короче, выходи из своей гостиницы в два ночи. Час будем ехать, если без пробок. За два часа до вылета, как и полагается, будешь в аэропорту. Еще чего удумал. Такси он будет заказывать! Такие деньжищи платить! Транжира! Навязался на мою голову.

* * *

Всю ночь шел снег. Выхожу, как и положено, в два часа. Возле отеля пусто. Ни одного следа от проехавшей машины.

— Опаздывает мой Маэстро. Оно и понятно, дороги то еще не все отчистили. Вот как теперь быть? Ждать его или срочно такси вызывать?

Из снежного бугорка, стоящего на обочине, высовывается голова моего друга.

— Привет, брателла. Я тут подумал: и чего мне в такую погоду в Бутово переться, а потом назад трястись. Лучше я прикурну подле твоего хо-тэ-ля часок-другой.

— Маэстро! Ну ты мог мне об этом сказать? Я бы тебе номер снял. Чего же тут скрюченный, да еще под снегом.

— Не ворчи, дружище. Кончай стареть! Садись скорее. Сам видишь, дороги какие, а путь нам с тобой предстоит не близкий. Опоздаешь. Мне тебя на машине за границу везти прикажешь? Так я, дружбан, позволю себе напомнить: визы у Маэстро нет, а если честно, то и загранпаспорта тоже.

* * *

Осенью прошлого года я вернулся из солнечного Узбекистана. За время моего отсутствия в доме переломалось все, что могло переломаться. Бросаю не разобранный чемодан и бегу в магазин за запчастями. В кармане знакомой мелодией играет телефон.

Ба! Господин Маэстро звонит. Как хорошо. Сейчас он мне ничем помочь не сможет. Но хоть выслушает стенания друга и то полегче будет.

— Московский бакинец, привет. Несказанно рад тебя слышать. Как поживаешь, мой Маэстро.

— Да-да Саш, это не Маэстро, тебе звонит его сын. Похороны завтра, прилетишь?

* * *

Перебираю фотографии. Их у меня совсем немного. Как-то за повседневной суетой недосуг было фотографироваться. И на всех Маэстро улыбается. Счастливый человек, умевший дружить и дарить всем частички своего большого и доброго сердца.